

Научная статья

УДК: 347.22.01

DOI:10.17323/2072-8166.2023.4.126.148

Доверительное управление объектами социального назначения

Илья Игоревич Зикун

Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, Россия 109012, Москва, ул. Ильинка, 8/2, zikun@privlaw.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4979-601X>

Аннотация

В статье рассматриваются модели управления объектами коммунальной, транспортной и социальной инфраструктуры для удовлетворения общественно-полезных целей. Автор показывает, что в управлении объектами социального назначения используются траст и его функциональные аналоги. Исследованы подходы стран континентального (преимущественно Германии) и общего права. Для управления объектами социального назначения в Германии используются правоспособные и неспособные фонды, а также учреждения. Однако использование давно известной конструкции траста не дает кредиторам права обратиться за взысканием по долгам траста на объекты социального назначения. В статье делается попытка показать возможность использования российского института доверительного управления для управления объектами социального назначения вместо институтов права оперативного управления и права хозяйственного ведения. Однако данная модель управления общественно-полезным имуществом не может быть использована при административном правоотношении между публично-правовым образованием и государственным органом. Для использования модели доверительного управления субъекты должны быть имущественно обособлены друг от друга. В противном случае конструкция договорного правоотношения утрачивает значение. Заимствование российским правом категории «фидуциарная собственность» или траста невозможно в связи с тем, что российское право на протяжении нескольких столетий исходило из унитарной концепции права собственности. Свойственное трасту сокрытие личности учредителя траста не имеет смысла при управлении объектами социального назначения. Речь идет только о хозяйственном управлении государственным имуществом. Использование договора доверительного управления для управления объектами социального назначения позволит решить проблему участия в российском обороте юридических лиц-несобственников. Однако даже при выборе такой модели управления

государственным имуществом сохраняется необходимость в ответственности государства по долгам, связанным с управлением объектами социального назначения. Выбор модели управления государственным имуществом не может решить проблемы экономической убыточности достижения общественно-полезных целей.

Ключевые слова

договор доверительного управления; траст; фидуциарная собственность; право оперативного управления; право хозяйственного ведения; фонд; учреждение; объект социальной инфраструктуры; вещное право; обязательственное право; гражданское право.

Благодарности: исследование подготовлено в рамках выполнения государственного задания Исследовательскому центру частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации (номер научно-исследовательской работы в ЕГИСУ НИОКТР АААА-А21-121012090141-8).

Для цитирования: Зикун И.И. Доверительное управление объектами социального назначения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Том 16. № 4. С. 126–148. DOI:10.17323/2072-8166.2023.4.126.148

Research article

Trust Management of Social Facilities

Ilya Igorevich Zikun

Alekseev Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation, 8 Ilyinka Str., Building 2, Moscow 109012, Russia, zikun@privlaw.ru

Abstract

The article considers the models of management of communal, transportation and social infrastructure facilities to meet socially useful purposes. Based on the results of analyzing experience of foreign countries, the author shows that the trust and its functional analogues are used for the management of social purpose objects. The author considers the approaches of common law countries and continental law countries (mainly Germany). For the management of social purpose objects in Germany legal and non-legal foundations and institutions are used. However, the use of the long-known trust structure does not give creditors the right to foreclose on the debts of the trust on social objects. The article attempts to show the possibility of using the Russian institute of trust management for the management of social objects instead of the institutes of the right of operational management and the right of economic management. However, this model of management of socially useful property cannot be used in the presence of an administrative legal relationship between a public-law entity and a state body. To use the model of trust management the subjects must be property separate from each other. Otherwise, the construction of a contractual legal relationship loses its significance. Russian law cannot take the category of “fiduciary property” or trust due to the fact

that Russian law has been based on the unitary concept of property rights for several centuries. The concealment of the identity of the trust's founder, which is characteristic of a trust, does not make sense when managing social objects. We are talking only about economic management of state property. The use of a trust management agreement for the management of social objects will allow solving the problem of participation of non-owner legal entities in the Russian turnover. However, even if such a model of state property management is chosen, there is still a need for the state to be liable for debts associated with managing social facilities. The choice of the model of state property management cannot solve the problem of economic unprofitability of achieving socially useful goals.

Keywords

trust agreement; trust; fiduciary property; right of operational management; right of economic management; fund; office of state; social infrastructure object; right in *rem*; right of obligation; civil law.

Acknowledgements: The article is prepared within fulfilling state task to the Alekseev Research Center, number AAAA-A21-121012090141-8.

For citation: Zikun I.I. (2023) Trust Management of Social Facilities. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 16, no. 4, pp. 126–148 (in Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2023.4.126.148

Введение

Так называемый институт фидуциарной собственности и его российский субститут в виде института доверительного управления находят все большую сферу применения во всех подотраслях гражданского права: вещном, обязательственном, корпоративном, наследственном и семейном. При обсуждении вопроса о субсидиарном применении к тому или иному институту гражданского права норм главы 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ, ГК) необходимо учитывать, что институт фидуциарной собственности может быть выражен в эксплицитной или имплицитной форме. Эксплицитная форма сводится к тому, что учредитель управления и управляющий заключают договор, в котором прямо или косвенно выражено условие о применении к отношениям сторон положений гл. 53 ГК о доверительном управлении.

На протяжении многих лет в советском и российском гражданском праве велись споры о выборе гражданско-правовой формы управления государственным имуществом, которое предназначено для удовлетворения общественных потребностей. Е.А. Суханов много раз обращал внимание на то, что закрепленная ГК РФ форма присвоения в виде права оперативного управления и права хозяйственного ведения является необоснованной, так как влечет за собой участие в гражданском

обороте юридических лиц-несобственников [Суханов Е.А., 2015: 256]; [Суханов Е.А., 1998: 206–221]; [Суханов Е.А., 2011: 4–24]; [Суханов Е.А., 2010: 5–12]; [Суханов Е.А., 2017: 130–141]. Для решения этой проблемы Е.А. Суханов предлагает два варианта участия юридических лиц публичного права в гражданском обороте:

юридическое лицо публичного права должно иметь право собственности на все имущество (оборотное и внеоборотное), которое было передано ему в управление публично-правовым образованием. В таком случае кредиторы смогут обратиться с иском на любое имущество юридического лица публичного права без каких-либо исключений;

юридическое лицо публичного права может и не иметь права собственности на управляемое им имущество, однако публично-правовое образование должно нести неограниченную субсидиарную ответственность по долгам учрежденного им юридического лица.

Из предложенных Е.А. Сухановым двух вариантов присвоения государственного имущества и с учетом результатов дискуссии о природе государственных предприятий в советском праве, допустим вывод, что управление государственным имуществом осуществляется двумя способами: по моделям централизации и децентрализации. Выбор способа управления государственным имуществом находится за пределами предмета гражданского права, так как относится к предмету административного права и обусловлен экономическими условиями. Однако выбор централизованной или децентрализованной модели управления государственным имуществом влечет гражданско-правовые последствия.

1. Модель децентрализации

Управление государственным имуществом в форме децентрализации осуществляется путем создания особых носителей гражданских прав и обязанностей (субъектов гражданского права). Носитель гражданских прав и обязанностей (*Rechtsträger*) обладает гражданско-правовой правоспособностью, которая не может быть отождествлена с административно-правовой правоспособностью. Субъекты административного права сами по себе не обладают гражданской правоспособностью, позволяющей им участвовать в гражданском обороте. Чтобы субъект административного права стал субъектом гражданского права, необходимо совершение особого акта, который наделит субъекта административного права гражданско-правовой правоспособностью. Можно выделить три варианта управления государственным имуществом в гражданском праве зарубежных стран по модели децентрализации.

1.1. Публично-правовая корпорация (public corporation)

Впервые институт фидуциарной собственности для общепользовательных целей был применен в Англии в Статуте Елизаветы I (1601 г.). Использование института траста для управления объектами социального назначения в современном праве Соединенного Королевства связано с принятием Акта о благотворительности (Charities Act) 2011 г., которому предшествовали акты 1993 и 2006 годов под тем же названием. Согласно секции 3 (1) Акта 2011 г., положения института фидуциарной собственности применяются, если имущество управляется с целью предотвращения бедности, оказания образовательных и религиозных услуг, здравоохранения и спасения жизни, обслуживания общественных и коммунальных потребностей, развития искусства, культуры, науки и сохранения наследия, развития любительского спорта, защиты прав человека, разрешения споров или примирения, защиты религиозной и расовой гармонии, равенства и разнообразия, природной среды, помощи отдельным мало защищенным гражданам (молодым и пожилым, лицам с ограниченными возможностями и отклонениями здоровья, а также попавшим в затруднительное финансовое положение), защиты животных, обслуживания вооруженных сил, полиции, пожарных и спасателей, служб скорой медицинской помощи, а также в иных благотворительных целях, направленных на принесение пользы обществу.

Перечень благотворительных целей остается открытым, а достижение благотворительной цели должно быть действительной необходимостью. Причем цель будет благотворительной исключительно если она приносит пользу не отдельной количественно ограниченной категории нуждающихся, а численно неограниченной и испытывающей крайнюю нужду категории населения. В частности, не является публичным трастом фонд помощи детям сотрудников и бывших сотрудников банка¹, фонд помощи рабочим классам определенной территории².

Предметом публичного траста, например, является имущество школ, университетов, музеев, детских садов. В Соединенном Королевстве университеты (даже частные) имеют публичный статус, что обуславливает возникновение публичного траста. По общему правилу имущество исследовательских институтов не признается предметом публичного траста, так как институт должен оказывать образовательные услуги³.

Тем не менее в другом деле английские суды сделали исключение и признали имущество Общества Фрэнсиса Бэкона предметом публичного

---

¹ Re Coulthurst [1951] Ch 622.

² Re Sutton [1901] 2 Ch 640 at 646; Re Sanders, Will Trusts [1954] Ch 265.

³ См.: Incorporated Council of Law Reporting for England and Wales v A-G [1972] Ch 73.

траста. Общество заявляло, что все пьесы Шекспира написаны Бэконом и пыталось доказать это своими исследованиями. Данное утверждение было осмеяно учеными, однако суд указал, что закон не может учитывать существо научного исследования, а должен исходить из «духа» (spirit) исследования для признания его благотворительным или нет⁴, поэтому имущество было квалифицировано как предмет публичного траста.

Таким образом, можно увидеть полное совпадение целей использования публичного траста (charitable trust) в английском праве и целей использования права оперативного управления и права хозяйственного ведения в российском праве.

Признание английским правом фидуциарной собственности публичной, т.е. направленной на достижение общественно полезных целей и приносящей пользу всему обществу или отдельным мало защищенным категориям граждан, влечет за собой наделение субъекта гражданского права рядом привилегий. Публичные трасты находятся под конституционно-правовой защитой Короны (контроль Charity Commission). Они выведены из-под правила «против отчуждаемости капитала» и правила «получения прибыли бенефициаром». Предмет публичного траста может быть неопределенным и подвергаться изменениям, так как все имущество публичного траста служит общественно полезным целям⁵. Публичные трасты пользуются также рядом привилегий в налоговом праве (charity exempt): освобождение от подоходного налога, налога на прибыль корпораций, на прирост капитала, с наследства, государственных сборов, непотребительских местных сборов и т.д.⁶

Тем не менее, несмотря на привилегии, общественно полезная цель траста не освобождает компанию-управляющего от ответственности перед кредиторами. По рекомендации Комитета по праву траста английское право не делает различий между ответственностью видов траста (публичный, пенсионный, семейный траст), унифицируя тем самым гражданско-правовую ответственность для любого траста вне зависимости от его общественной полезности. Управляющий несет ограниченную размером траста ответственность по долгам, возникшим в связи с управлением трастом.

Публичный траст учреждается в качестве отзывного или безотзывного. Если траст является безотзывным, то кредиторы, права требова-

⁴ Re Hopkins [1965] Ch 669.

⁵ См.: *Hauxwell v Barton-on-Humber UDC* [1974] Ch 432; *Chichester Diocesan Fund and Board of Finance v Simpson* [1944] AC 341 at 348.

⁶ См.: *Income and Corporation Taxes Act 1988*, s. 505; *Taxation of Chargeable Gains Act 1992*, ss. 256, 257; *Inheritance Tax Act 1984*, ss. 23, 76; *Finance Act 1982*, s. 129; *Local Government Finance Act 1988*, ss. 43, 47.

ния которых возникли в результате управления трастом, могут обратиться взыскание на предмет траста вплоть до признания управляющей компании несостоятельной. Если же учредитель управления может отозвать траст, то кредиторы имеют право требования к учредителю управления. Учреждение публичного траста не защищает имущество от обращения взыскания на него со стороны кредиторов. Кредиторы должны быть поставлены в такое положение, как если бы траста не существовало [Lischer H., 2000: 479]; [Sullivan J., 1998: 423]. Английские суды изначально пытались приравнять управляющего к агенту траста, однако впоследствии отказались от теории агентства, так как траст является только имущественной массой, которая принадлежит на праве «собственности» по закону управляющей компании⁷. Управляющая компания обязана учитывать предмет траста отдельно от своего имущества. По личным долгам управляющего он самостоятельно несет ответственность перед кредиторами. Кредиторы не вправе обратиться взыскание на предмет траста по личным долгам управляющего. Однако по требованиям кредиторов, возникших в связи с управлением трастом, управляющий личной ответственности не несет. Его ответственность ограничена размером траста. Вместе с тем управляющий вправе защитить предмет траста, заменив обращение взыскания по искам кредиторов на предмет траста уплатой собственных денежных средств.

Публичный траст является объектом гражданского права, для управления которым необходим особый субъект права — публичные компании (charitable companies), которые должны в своем названии содержать указание на их публичный («общественно полезный») характер. Исходя из этого, для управления общественно полезным имуществом необходимо наличие двух самостоятельных субъектов права: учредителя управления (публично-правового образования или иного лица) и управляющего (публичной компании). На один и тот же объект социального назначения в системе общего права установлено два права собственности: право собственности публично-правового образования «по праву справедливости» и право собственности публичной компании как управляющего «по закону».

Траст может быть создан в корпоративной и некорпоративной формах. В первом случае учреждается самостоятельное юридическое лицо (incorporated organization, далее — публичная инкорпорированная организация), в состав которой входят отдельные управляющие (trustees).

---

⁷ См.: Freeman & Lockyer v Buckhurst Park Properties Ltd [1964] 2 QB 480; De Vigier v IRC [1964] 1 WLR 1073, 1083; Perring v Draper [1997] EGCS 109, Marston Thompson & Evershed PLC v Bend 1997 Law Soc Gaz 94/39, 15 Oct 1997.

Деятельность управляющих и публичной инкорпорированной организации ограничена общественно полезной целью, которую определяет учредитель управления. Сам учредитель управления не имеет корпоративных прав участия, однако он вправе контролировать деятельность публичной инкорпорированной организации (подача ежегодного отчета, проведение аудита, привлечение к личной ответственности управляющих за нарушение условий траста). Инкорпорированная организация является самостоятельным субъектом гражданского права: выступает в гражданском обороте от своего имени; может быть истцом и ответчиком в судебном процессе; несет самостоятельную ответственность по долгам.

Некорпоративная форма управления имуществом в общественно полезных целях осуществляется управляющими без образования юридического лица. Управляющие могут самостоятельно нести права и обязанности, если их доходы за предыдущий финансовый год (поступления в целях благотворительности) не превышают 10 000 ф. ст., в управление не передан земельный участок, а также если не учреждено специальное юридическое лицо для управления имуществом в публичных целях. Учредитель управления обладает правом на иск напрямую к управляющим.

Имплицитное применение института траста в российском праве для управления объектами социального назначения невозможно в связи с тем, что в российском праве отсутствует параллельное существование двух правовых систем («права по закону» и «права справедливости»). Российское право не знает такой конструкции, как «расщепление права собственности», а закрепленный в Гражданском Кодексе Российской Федерации институт доверительного управления не связан с передачей права собственности управляющему. Управляющий лишь осуществляет чужое право собственности, но не обладает каким-либо самостоятельным вещным правом в отношении предмета управления. В связи с этим рассмотренный подход стран «общего права» не подходит российскому праву.

1.2. Самостоятельный фонд публичного права (selbständige Stiftung des öffentlichen Rechts)

В Германии по законодательству земли Рейнланд-Пфальц фонды публичного права — это правоспособные фонды, находящиеся в таком же отношении к земле, как и коммунальные территориальные объединения или иные объединения публичного права. Они выступают как публичные организации и формируются как фонды публичного права⁸. Регулирование фонда как формы юридического лица в германском праве осуществ-

⁸ См.: § 3 Abs. 4 Landesstiftungsgesetz vom 19. Juli 2004 (GVBl. 2004, 385).

вляется на двух уровнях: федеральном (§ 80–88 BGB) и земельном. Однако к фондам публичного права положения Германского гражданского уложения (далее — ГГУ) о фондах (§ 80–88) не применимы. Уложение содержит лишь один параграф о самостоятельных фондах публичного права (§ 89), согласно которому фонды публичного права несут самостоятельную ответственность по долгам (обратить взыскание на имущество нельзя). Таким образом, к самостоятельным фондам публичного права применяются точно такие же правила гражданско-правовой ответственности, как и к другим субъектам гражданского права.

На федеральном уровне германский законодатель не говорит, что фонды публичного права являются управляющими («фидуциарными собственниками»). По общему правилу германская доктрина гражданского права не признает фонды управляющими и не рассматривает этот способ управления объектами социального назначения как «фидуциарную собственность» [Weidmann С., 2009: 18–20]. Некоторые федеральные земли однозначно исходят из того, что самостоятельный фонд публичного права является управляющим (Treuhänder)⁹. Однако законы о фондах публичного права других земель не говорят, что самостоятельные местные фонды публичного права являются фидуциарными управляющими объектами социального назначения, и к ним применяется институт Treuhand¹⁰.

На основании законов о фондах земель выделяют четыре вида местных самостоятельных фондов публичного права: церковные фонды, мировоззренческие, коммунальные и семейные фонды. Самостоятельным фондом публичного права опосредованно осуществляет управление государство (Träger der mittelbaren Staatsverwaltung). Фонды публичного права являются субъектами гражданского права, учреждаемыми на основании нормативных актов. Несмотря на связь с публично-правовым образованием, фонд публичного права имеет самостоятельную волю, которая отлична от воли учредителя (публично-правового образования), что и обуславливает его правосубъектность.

---

⁹ См.: § 10 Abs. 2 des Stiftungsgesetzes des Landes Mecklenburg-Vorpommern (Landesstiftungsgesetz — StiftG M-V) Vom 7. Juni 2006. Fundstelle: GVOBl. M-V 2006, S. 366; § 97 Gemeindeordnung für Baden-Württemberg in der Fassung vom 24. Juli 2000.

¹⁰ См.: Bayerisches Stiftungsgesetz (BayStG) in der Fassung der Bekanntmachung vom 26. September 2008 Fundstelle: GVBl 2008, S. 834; Hessisches Stiftungsgesetz vom 4. April 1966 (GVBl. I S. 77); Sächsisches Stiftungsgesetz vom 7. August 2007 (SächsGVBl. S. 386); Saarländisches Stiftungsgesetz vom 11. Juli 1984 (Amtsblatt 2004, S. 1825); Thüringer Stiftungsgesetz vom 16. Dezember 2008 (GVBl. 2008, 561); Gesetz über rechtsfähige Stiftungen des bürgerlichen Rechts in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. März 2000 (GVOBl. 2000.208); Stiftungsgesetz Sachsen-Anhalt vom 20. Januar 2011 (GVBl. LSA 2011, 14); Landesstiftungsgesetz vom 19. Juli 2004 (GVBl. 2004, 385) и др.

Как указывал Й. Колер, «правосубъектность фонда покоится на его свойстве как организма общего юридического смысла; правосубъектность его покоится не на том, что она имеет цель осуществлять волю своего учредителя, и не так, как если бы правосубъектность фонда покоилась в гипостазированной воле учредителя» [Kohler J., 1891: 237]. Несмотря на гражданскую правосубъектность, фонды публичного права находятся под надзором публично-правовых органов (непосредственно под надзором земельных министерств внутренних дел и опосредованно – под надзором земельного или федерального правительства). Публично-правовые органы являются учредителями фонда публичного права и ежегодно проверяют финансовую отчетность фонда. Фонд публичного права должен уведомлять министерство внутренних дел об отчуждении земельного участка или иной имущественной ценности, выдаче поручительства или иной подобной сделке, если стоимость имущества превышает 30% стоимости всего имущества фонда.

Согласно §86 ГГУ уставы фондов публичного права, управляемых публично-правовым органом, могут предусматривать привилегии для субсидиарной ответственности органов фондов публичного права (Haftungsprivilegierung). Комментаторы ГГУ считают, что состав правления является фидуциарным управляющим (Treuhänder), т.е. действия правления должны быть такими, как если бы фонд был физическим лицом и его интересы могли бы быть самостоятельно защищены¹¹. Однако состав правления фонда можно признать управляющим только если он обладает самостоятельной правосубъектностью. В противном случае институт фидуциарной собственности не может быть применен, в связи с чем неспособный публично-правовой орган действует от имени публично-правового образования.

Рассматривая в кассационном порядке очередное дело, Верховный суд ФРГ указал, что кредиторы не могут обратиться с иском к имуществу учредителя фонда, которое должно было быть передано фонду, так как учредитель не освобождается от субсидиарной ответственности по долгам фонда (§ 254 и 278 BGB)¹². Причем ответственность может быть возложена как на состав правления фонда публичного права, так и на публично-правовое образование, учредившее фонд.

Таким образом, фонды публичного права наделяются гражданской правосубъектностью для их участия в гражданском обороте, что распространяет на них положения §89 ГГУ о необходимости нести самостоятельную ответственность по своим долгам. Вместе с тем фонды

¹¹ Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. München: C.H. Beck, 2015. S. 1018.

¹² См.: Entscheidung des Bundesgerichtshofs vom 20.05.2015, Az.: VII ZB 53/13.

публичного права сохраняют тесную связь с властными органами публично-правовых образований (действуют на основании нормативных актов под надзором земельных министерств внутренних дел). По утверждению комментаторов ГГУ, фонд публичного права является не только помощником публичной власти, но и частью управления (Teil der Verwaltung)¹³. Орган публично-правового образования определяет общественно полезное направление деятельности фонда публичного права и при необходимости может изменить это направление.

Фонд публичного права является управляющим государственным имуществом, в связи с чем такой фонд не приобретает права собственности на государственное имущество, а только осуществляет чужое право собственности. Однако в силу теории защиты доверия в глазах третьих лиц фонд публичного права выступает в качестве собственника имущества, хотя таковым и не является. Тем не менее в силу применения института управления имуществом («фидуциарной собственности») публично-правовое образование имеет право исключить объекты социального назначения из конкурсной массы фонда публичного права или освободить их из-под ареста в рамках процедуры исполнительного производства фонда публичного права. Таким образом, с точки зрения имущественной массы фонд публичного права для своих кредиторов является не более чем «пустышкой». Однако Верховный суд ФРГ возложил на публично-правовой орган и на публично-правовое образование неограниченную субсидиарную ответственность.

1.3. Форма полностью правоспособного учреждения (rechtsfähige Anstalt)

Между формами «учреждение» и «фонд», как указывают Р. Хюттеманн и П. Раверт, есть родственная связь. Обе эти формы появились на основе института прусского права (die öffentliche Anstalt des preußischen Rechts). В настоящее время некоторые фонды сохранили в названиях термин «учреждение», так как в XIII в. различали два вида фонда: фонд капитала (Kapitalstiftung) и фонд-учреждение (Anstaltsstiftung). Фонд является «формой замещения» (Ersatzform), т.е. вспомогательной структурой по достижению целей, которые возложены на учреждения¹⁴ [Ebersbach H., 1961: 28]; [Werner O., 2008: 1093]; [Schulte M., 1989: 7].

Различие фонда и учреждения в том, что фонд в большей степени предназначен для участия в гражданском обороте. Учреждение нахо-

---

¹³ Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. S. 941.

¹⁴ Handbuch des Stiftungsrechts. München, 2014. S. 11.

дится под контролем (в подчинении) учредителя — публично-правового образования. Учредители фонда утрачивают контрольные правомочия по отношению к фонду. Фонд, как правило, находится с третьими лицами в гражданско-правовых отношениях, заключая гражданско-правовые договоры. Учреждение с третьими лицами, как правило, находится в публично-правовых отношениях, так как обладает властными полномочиями по отношению к третьим лицам. Если на публично-правовое образование законодательно возложены обязанности, оно должно создать учреждение и возложить на него исполнение этих обязанностей. Если для выполнения этих задач требуется активное участие в гражданском обороте и связанное с обособлением государственного имущества на основе диспозитивности принятия решений, может быть учрежден фонд публичного права. Он не входит в систему государственных органов и непосредственно не подчинен публично-правовому органу, хотя и находится под его надзором. Однако публично-правовой орган не может напрямую принимать решения по управлению государственным имуществом, переданным фонду публичного права. У фонда отсутствуют самостоятельные, возложенные на него законом обязанности [Fischinger P., Kohler J., Seibl M., 2011: 127–128].

Учреждение не является корпорацией, в связи с чем оно не имеет членства. Местные учреждения создаются соответствующими министерствами федеральных земель (Träger der Anstalt). Согласно земельным законам об учреждениях, учреждения поддерживают своих учредителей и, если это не препятствует осуществлению публичных задач, поддерживает иные публичные организации. Совет управления состоит из лиц назначаемых законодательным и исполнительным собранием города и общины. Совет управления выбирает из своего состава исполняющего управляющего или исполняющих управляющих. Соответствующее министерство осуществляет надзор за деятельностью учреждения¹⁵.

Ввиду исторической схожести фонда и учреждения германское право не проводит каких-либо отличий в применении положений о гражданско-правовой ответственности между этими формами. Правоспособные учреждения не приобретают права собственности в отношении имущества своего учредителя, который передает учреждению имущество лишь «в управление». Точно так же, как кредиторы фонда, кредиторы учреждения могут привлечь к субсидиарной ответственности учредителя (публично-правовое образование) на основании § 254 и 278 ГГУ, так как учреждение находится под полным контролем публично-правового образования.

¹⁵ См., напр.: Thüringer Gesetz über die Errichtung der Anstalt öffentlichen Rechts vom 25. Oktober 2011 (GVBl. 2011. 273).

В германской судебной практике встал вопрос о необходимости согласия материнской компании (в случае с учреждением учредителя — Träger der Anstalt) на заключение предпринимательских договоров (Unternehmensvertrag). Верховный суд ФРГ неоднократно указывал, что необходимо получить согласие материнской компании (herrschende Gesellschaft) на заключение предпринимательского договора на основании § 293 Abs. 2, § 295 Abs. 1 Aktiengesetz¹⁶. В связи с этим Суд города Целле в 2014 году поставил вопрос: могут ли положения корпоративного права быть применены к взаимоотношениям учреждения (в рассмотренном деле сберегательная касса) и публично-правового образования. При разрешении дела суд применил к учреждению публичного права положения Закона об акционерных обществах, но с оговоркой — нормы применяются не потому, что акционерное общество и учреждение имеют одинаковую природу, а на том основании, что публично-правовое образование и материнская компания находятся в одном и том же положении (господствующее лицо). Кроме того, публично-правовое образование нуждается в защите, так как действует не в собственном, а в публичном интересе¹⁷.

Таким образом, правоспособное учреждение хотя и является субъектом гражданского права, оно является частью иерархической структуры государственных органов публично-правового образования. Ввиду этого правоспособное учреждение не является фидуциарным управляющим (Treuhänder), так как у учреждения отсутствует самостоятельная воля. Любые решения по управлению государственным имуществом принимаются членами совета управления, которые одновременно являются членами законодательных собраний и исполнительных органов муниципалитета и земли. Институт управления чужим имуществом подразумевает наличие двух самостоятельных субъектов гражданского права, которые принимают самостоятельные решения (принцип диспозитивности) и несут самостоятельную ответственность.

2. Модель централизации

Управление государственным имуществом по модели централизации заключается в том, что публично-правовое образование сохраняет за собой право собственности, не создает особого субъекта гражданского права и самостоятельно несет гражданско-правовую ответственность в

---

¹⁶ См.: Entscheidung des Bundesgerichtshofs (далее — BGH) vom 30.01.1992 — II ZB 15/91; Entscheidung des BGH vom 14.12.1987 — II ZR 170/87.

¹⁷ См.: Beschluss des Oberlandesgerichts Celle vom 16.05.2014, 9W 69/14.

полном объеме. Публично-правовое образование участвует в гражданском обороте от своего имени самостоятельно через свои структурные единицы. Государственные и муниципальные органы обладают лишь административной правоспособностью (компетенцией) и могут действовать как от своего имени, так и от имени публично-правового образования. Если государственный орган действует от своего имени, права и обязанности в любом случае возникают у публично-правового образования.

2.1. Публично-правовое образование как участник гражданского оборота

Хотя российский законодатель создает всегда правоспособные юридические лица для участия в гражданском обороте, управление государственным имуществом в российском праве осуществляется по модели централизации. Публично-правовое образование сохраняет право собственности на объекты социального назначения и передает их правоспособным учреждениям, государственным и муниципальным предприятиям, а иногда даже правоспособным государственным органам в оперативное управление. Несмотря на все попытки реформировать институт оперативного управления государственным имуществом, как и вещное право в целом, российское право до сих пор сохраняет дуализм прав на управление имуществом собственника.

В проекте Концепции развития законодательства о вещном праве (2009) отмечается, что право хозяйственного ведения и право оперативного управления лишились принципиального различия. Проект Концепции предлагает создать универсальную модель, устранив тем самым дуализм прав на управление имуществом собственника, оставив только одно право — право оперативного управления. Право оперативного управления предлагается определить как «право владения, пользования и распоряжения имуществом собственника в пределах, установленных законодательством, а также в соответствии с целями деятельности, заданиями собственника и назначением имущества» [Суханов Е.А., 2017: 430–435].

Таким образом, российское гражданское право предусматривает возможность создания правосубъектных юридических лиц-несобственников. Правосубъектность таким юридическим лицам нужна исключительно для того, чтобы участвовать в обязательственном правоотношении, принимая на себя обязательственные права и обязанности. Юридическое лицо-несобственник не может отвечать по своим долгам, так как его кредиторы лишены возможности обратить взыскание на

«особо ценное имущество». Создание правосубъектного юридического лица позволит российским публично-правовым образованиям защитить себя от гражданско-правовой ответственности по требованиям кредиторов и участвовать в гражданском обороте, не рискуя утратить право собственности на свое имущество.

Участие юридических лиц в европейском праве связано с неограниченной субсидиарной ответственностью публично-правовых образований, которые выступили в качестве учредителей. Привлечение к субсидиарной ответственности публично-правового образования осуществляется на основании норм о соучастии в причинении вреда (§ 254 BGB), а также подтверждается практикой Европейского суда (EuGH)¹⁸. Помимо этого, при нарушении служащим возложенных на него обязанностей и причинении им вреда его также можно привлечь к личной ответственности (§ 839 BGB). Германские суды и доктрина толкуют понятие «служащий» (Beamter) расширительно, распространяя действие §839 ГГУ на солдат, медиаторов, судей, работников учреждений, регулировщиков движения (даже на основе гражданско-правового договора), служителей церкви, работников частных испытательных лабораторий, частных предпринимателей, осуществляющих публично-правовые функции на основании гражданско-правовых договоров (частные службы полиции) [Dauner-Lieb B., Langen W., 2016: 5387]. Поэтому в Германии параллельно существует два вида ответственности: ответственность публично-правового образования (Fiskalhaftung) и ответственность служащего (Amtshaftung).

В советской доктрине 1920-х годов вопрос о правосубъектности юридических лиц публичного права породил серьезную дискуссию [Дмитревский Н., 1925: 72–85]; [Гавзе Ф.И., 1926: 105–123]; [Полонский Э.Г., 1966: 80–104]; [Шретер В., 1926: 108–121]. Это было вызвано необходимостью выстроить структуру управления государственным имуществом и делегирования полномочий по управлению, а также появлением трестов. Однако дискуссию продолжали в течение всего периода советского права [Замойский И.Е., 1971: 122–131]; [Корнеев С.М., 1964: 134–151].

В советском гражданском праве выделялись два подхода к проблеме правосубъектности юридических лиц публичного права. Согласно позиции С.Н. Братуся, Д.М. Генкина, Б.С. Мартынова, Е.А. Флейшиц, государственные предприятия являются самостоятельными (правоспособными) юридическими лицами в связи с тем, что обладают хозрас-

---

¹⁸ См.: Entscheidung des Europäischen Gerichtshofs vom 24.03.2009, Az.: C-445/06; Entscheidung des Europäischen Gerichtshofs vom 05.03.1996, Az.: C-46/93 und C-48/93.

четной самостоятельностью [Флейшиц Е.А., 2015: 55–143]; [Генкин Д.М., 1963: 3–5]; [Мартынов Б.С., 1927: 30–47]; [Братусь С.Н., 1947: 155–288]. Иную позицию отстаивал А.В. Венедиктов, согласно которой государственные предприятия не являются самостоятельными юридическими лицами, единым объектом прав или обособленным имуществом [Венедиктов А.В., 2004: 217–394].

2.2. Несамостоятельный фонд (unselbständige Stiftung)

В германском праве самостоятельный фонд не является субъектом гражданского права. В данном случае категория «фонд» употребляется в значении имущественной массы, не обладающей правосубъектностью. В связи с этим для управления такой имущественной массой необходимо наличие субъекта гражданского права — управляющего («фидуциарного собственника»). Несамостоятельный фонд с точки зрения гражданского права — это «юридическое ничто» (*rechtliches Nullum*) [Burgard U., 2006: 652]. Несамостоятельный фонд учреждается в идеальных благотворительных целях (*gemeinnützige Treuhand*). Учредитель не имеет собственного интереса, а действует в общественных интересах и передает имущество без встречного предоставления.

В германской доктрине гражданского права господствует мнение, что самостоятельный фонд (имущественная масса) находится в управлении другого субъекта гражданского права, но самостоятельный фонд не может быть носителем прав и обязанностей, не может выступать в гражданском обороте от своего имени, не может быть истцом и ответчиком в судебном споре. Несамостоятельный фонд — это только связанная целью имущественная масса (*Sondervermögen*), которая может облагаться налогами, но для управления имущественной массой необходимо наличие субъекта гражданского права — управляющего (*Treuhänder*). Й. Колер, Ф. Регельсбергер и Э. Беккер исходили из того, что самостоятельный фонд является целевым имуществом (*Zweckvermögen*) [Regelsberger F., 1893: 341–344]; [Bekker E., 1886: 285]; [Kohler J., 1891: 228–292].

Ныне финансовые суды ФРГ также воспринимают самостоятельный фонд как целевое имущество, а не субъект права¹⁹. Несамостоятельный (управляемый) фонд — это виртуальный носитель прав (*virtuelle juristische Person*), фиктивное юридическое лицо, симулированный носитель прав [Meyer P., 2005: 228–234]. Иначе самостоятельный фонд

¹⁹ См.: Beschluss des Bundesfinanzhofs vom 22. Dezember 2015, Az.: I R 43/13; Beschluss des Finanzgerichts Düsseldorf 6. Senat vom 08.10.1999, Az.: 6 V 5427/99; Beschluss des Finanzgerichts Münster 10. Senat vom 20.04.2017, Az.: 10 K 3059/14; Beschluss des Finanzgerichts Köln 7. Senat vom 25.05.2016, Az.: 7 K 291/16.

называют «фидуциарным фондом», так как к нему применяется институт *Treuhand*, а субъект гражданского права квалифицируется как управляющий. Причем *Stiftungsrecht* («право фондов») называют автономной областью права между частным и публичным правом [Lacob D., 2006: 43].

Таким образом, несамостоятельный (управляемый) фонд требует наличия субъекта гражданского права, которому передается имущество в управление. Институт «фидуциарной собственности» применим к несамостоятельному фонду только если публично-правовое образование передает в управление имущество другому субъекту гражданского права. Если публично-правовое образование, в собственности которого находится имущество, передает в управление имущество своей структурной единице в иерархической системе государственных органов, то институт управления (чужим) имуществом не применим, так как неправоспособный государственный орган не может выступать в качестве посредника или представителя, к которым относится управляющий в гражданском праве зарубежных стран.

2.3. Форма неправоспособного учреждения (*unrechtsfähige Anstalt*)

Участие публично-правового образования в гражданском обороте может осуществляться посредством различных государственных органов, основная цель деятельности которых является достижение публичных (идеальных) целей. В российском правопорядке отдельные структурные единицы иерархической системы органов власти воспринимаются как правоспособные юридические лица (самостоятельные субъекты гражданского права — подход С.Н. Братуся). Однако европейское континентальное право (ФРГ, Швейцария, Австрия, Лихтенштейн) использует конструкцию «несамостоятельное учреждение», не наделяя различные публично-правовые органы статусом субъекта гражданского права.

Подобие конструкции несамостоятельного учреждения существовало в римском частном праве («напротив, отдельные фискальные учреждения (*stationes fisci*), хотя они в видах практического удобства и целесообразности обособлялись одно от другого, в действительности были не самостоятельными субъектами, а обособленными кассами одного и того же хозяина — государства») [Суворов Н.С., 2000: 191].

В праве Лихтенштейна к несамостоятельным учреждениям применяются положения о *Treuhand*, так как в основе управления имуществом несамостоятельного фонда лежит «скрытый *Treuhand*» (*stillschweigende Treuhand*) [Schäfer A., 2007: 50–51]; [Bösch H., 1995: 314]. Согласно ст. 534

абз. 4 Закона Лихтенштейна о лицах²⁰, учреждениям без правосубъектности имущество передается с целевым назначением, к которому применяются правила о скрытом Treuhand.

Публично-правовые органы власти не являются субъектами гражданского права, так как учреждаются не для участия в гражданском и торговом обороте, а для исполнения обязанностей, возложенных на публично-правовое образование нормативными актами (прежде всего конституцией). По общему правилу публично-правовые органы вступают с третьими лицами в административно-правовые (публичные) правоотношения. Участие в гражданском обороте необходимо публично-правовым органам в целях материально-технического обеспечения их деятельности. Несамостоятельные учреждения — не носители прав и обязанностей, на них не может быть возложена гражданско-правовая ответственность, они не вправе выступать в суде в качестве истца и ответчика.

Передача в управление имущества публично-правовым образованием самостоятельным учреждениям не может быть квалифицирована ни в качестве доверительного управления, ни в качестве фидуциарной собственности. Подобная передача аналогична закреплению имущества за филиалом юридического лица, что является внутренним распределением имущества между структурными единицами одного субъекта права.

Таким образом, институт управления имуществом может быть использован исключительно при наличии двух самостоятельных правоспособных субъектов гражданского права, не связанных административной подчиненностью. Кроме того, передача имущества в доверительное управление или в фидуциарную собственность связана с потенциальной возможностью участия управляющего в гражданском обороте как самостоятельного субъекта гражданского права, т.е. самостоятельного носителя прав и обязанностей.

В Российской Федерации субсидиарное применение положений о доверительном управлении к институту оперативного управления невозможно, так как это противоречит системе гражданского права. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления (гл. 19 ГК РФ) являются ограниченными вещными правами, а институт доверительного управления (гл. 53 ГК РФ) отнесен к отдельным договорным типам. Субсидиарное применение положений о доверительном управлении к оперативному управлению противоречит разграничению вещного и обязательственного права.

---

²⁰ Personen- und Gesellschaftsrecht vom 20. Januar 1926. Liechtensteinisches Landesgesetzblatt 1926 № 4, ausgegeben am 19. Februar 1926.

Полная замена института оперативного управления доверительным управлением также невозможна, если имущество управляется по модели централизации, так как п. 1 ст. 1012 ГК РФ требует наличия, по крайней мере, двух самостоятельных субъектов гражданского права (учредителя управления и управляющего). Таким образом, использование института доверительного управления в целях управления объектами социального назначения возможно только по модели децентрализации, при которой публично-правовое образование учреждает самостоятельное (право-способное) юридическое лицо для участия в гражданском обороте.

Однако использование модели децентрализации также не подходит для управления объектами социального назначения, так как в противном случае кредиторы смогут обратить взыскание на предмет управления. Ни один из рассмотренных правопорядков не допускает обращения взыскания на объекты социального назначения, а также не признает действительными сделки по нецелевому распоряжению объектами социального назначения. Как правило, гарантией удовлетворения требований кредиторов, возникших в связи с управлением объектами социального назначения, является неограниченная субсидиарная ответственность публично-правового образования.

Заключение

Институт управления чужим имуществом имеет широкую сферу применения и используется в вещном, корпоративном и наследственном праве. Управляющий имуществом не получает какого-либо вещного права на предмет управления (ограниченное вещное право или право собственности).

Для субсидиарного применения положений института управления имуществом к иным правоотношениям, напрямую не подпадающим под действие гл. 53 ГК РФ, необходимо установить, что учредитель управления и управляющий не связаны административными правоотношениями подчиненности и что они являются самостоятельными субъектами гражданского права. В связи с этим правоотношения по оперативному управлению имуществом не могут быть квалифицированы как правоотношения по доверительному управлению имуществом. Ни одна из моделей управления объектами социального назначения (централизованная и децентрализованная) не допускает субсидиарного применения положений о доверительном управлении (гл. 53 ГК РФ). Кроме того, ни один из рассмотренных правопорядков не допускает обращения взыскания на объекты социального назначения, что обуславливает неограниченную субсидиарную ответственность публично-правового образования

по долгам юридических лиц публичного права. Поэтому доверительное управление, предусмотренное гл. 53, является лишь одним из видов управления имуществом в гражданском праве. Сам термин «управление имуществом» является общей категорией, которая активно используется в отдельных подотраслях гражданского права. Система второй части ГК РФ не предусматривает возможности определения договора доверительного управления через какой-либо иной договорный тип (поручение, комиссия, агентский договор).

Между тем зарубежные правопорядки часто прибегают к договорным формам управления чужим имуществом для управления объектами социального назначения. Данная сфера не относится к публично-правовым (административным) правоотношениям, а выстраивается с использованием институтов гражданского права. Выбор способа управления объектами социального назначения зависит от страны, системы вещных прав и системы гражданского права, традиций в применении тех или иных институтов. В России использование траста для управления объектами социального назначения невозможно. Однако при реформировании положений о праве оперативного управления и праве хозяйственного ведения данные институты могут быть сближены с институтом доверительного управления.

Список источников

1. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947. 364 с.
2. Венедиктов А.В. Правовая природа государственных предприятий / Венедиктов А.В. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. I. М.: Статут, 2004. С. 217–394.
3. Гавзе Ф.И. Государственная собственность и использование ее трестами // Советское строительство. 1926. № 12. С. 105–123.
4. Генкин Д.М. Оперативное управление как институт советского гражданского права // Советская юстиция. 1963. № 9. С. 3–5.
5. Дмитриевский Н. Доверительное поручение (трест) как институт англо-американского права // Право и жизнь. 1925. № 7–8. С. 41–48.
6. Замойский И.Е. Право внутрихозяйственного оперативного управления — правовая форма имущественной самостоятельности хозрасчетных звеньев предприятия / Проблемы государства и права на современном этапе. М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1971. Вып. IV. С. 122–131.
7. Корнеев С.М. Право государственной социалистической собственности в СССР. М.: МГУ, 1964. 268 с.
8. Мартынов Б.С. Организационные принципы советского госпредприятия в условиях планированного товарного оборота // Право и жизнь. 1927 № 3. С. 30–47.
9. Полонский Э.Г. Право оперативного управления основными фондами промышленного предприятия / Ученые записки Всесоюзного научно-исследова-

- тельского института советского законодательства. М.: ВНИИ советского законодательства, 1966. Вып. 9. С. 80–104.
10. Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000. 299 с.
11. Суханов Е.А. Еще раз о юридических лицах-несобственниках // Правоведение. 2017. № 3. С. 130–141.
12. Суханов Е.А. О Концепции развития законодательства о юридических лицах // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 5–12.
13. Суханов Е.А. О юридических лицах публичного права // Вестник гражданского права. 2011. № 2. С. 4–24.
14. Суханов Е.А. Проблемы правового регулирования отношений публичной собственности и новый Гражданский кодекс / Гражданский кодекс России: проблемы, теория, практика / отв. ред. А.Л. Маковский. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1998. С. 206–221.
15. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2015. 455 с.
16. Флейшиц Е.А. Торгово-промышленное предприятие в праве западноевропейском и РСФСР / Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. Т. 2. М.: Статут, 2015. С. 55–143.
17. Шретер В. Проект общесоюзного декрета о трестах // Советское право. 1926. № 4. С. 108–121.
18. Bekker E. System des Pandektenrechts. Weimar: Hermann Böhlau, 1886, Band I, 359 S.
19. Bösch H. Die liechtensteinische Treuhandenschaft zwischen trust und Treuhand. Eine rechtsdogmatische und-vergleichende Untersuchung aufgrund der Weisungsbestimmung des Art. 918 liecht. PGR. Mauren: GMG-Juris-Verlag, 1995, 562 S.
20. Burgard U. Gestaltungsfreiheit im Stiftungsrecht: Zur Einführung korporativer Strukturen bei der Stiftung. Göttingen: Otto Schwartz, 2006, 850 S.
21. Ebersbach H. Die Stiftung des öffentlichen Rechts. Göttingen: Otto Schwarz, 1961. 286 S.
22. Handbuch des Stiftungsrechts (2014) V. Campenhausen, A. Friedrich (Hrsg.). München: C.H. Beck, 4 Aufl, 1570 S.
23. Kohler J. Ueber das Recht der Stiftungen / Archiv für bürgerliches Recht. Berlin: Carl Heymanns, 1891, Band 3, 170 S.
24. Lacob D. Schutz der Stiftung. Die Stiftung und ihre Rechtsverhältnisse im Widerstreit der Interessen. Tübingen: Mohr Siebeck, 2006, 572 S.
25. Lischer H. Domestic Asset Protection Trusts: Pallbearers to Liability. Real Property, Probate and Trust Journal, 2000, vol. 35, pp. 479–515;
26. Meyer P. Treuhandrecht und treuhänderische Stiftung / Stiftungen in Theorie, Recht und Praxis.: Handbuch für ein modernes Stiftungswesen. Strachwitz R.G. Berlin: Duncker & Humboldt, 2005, S. 228–240.
27. Regelsberger F. Pandekten. Leipzig: Duncker & Humboldt, 1893, Band I, 518 S.
28. Schäfer A. Anstalten öffentlichen Rechts in Lichtenstein. Dornbiern: Europa Verlag, 2007, 165 S.
29. Schulte M. Staat und Stiftung. Verfassungsrechtliche Grundlagen und Grenzen des Stiftungsrechts und der Stiftungsaufsicht. Koblenz: Petra Gros, 1989, 123 S.
30. Sullivan J. Gutting the Rule Against Self-Settled Trusts: How The Delaware Trust

Law Competes with Offshore Trusts. Delaware Journal of Corporate Law, 1998, vol. 23, pp. 423–442.

31. Werner O. (Hrsg.) Die Stiftung: Recht, Steuern, Wirtschaft. Stiftungsrecht. Berlin: Berliner Wirtschaftsverlag, 2008, 959 S.

32. Weidmann C. Stiftung und Testamentsvollstreckung. Hamburg: Dr. Kovač, 2009, 238 S.

References

1. Bekker E. (1886) System des Pandektenrechts. Weimar: Böhlau, Band I, 359 S.
2. Bösch H. (1995) Die liechtensteinische Treuhandschaft zwischen trust und Treuhand. Eine rechtsdogmatische und-vergleichende Untersuchung aufgrund der Weisungsbestimmung des Art. 918 liecht. PGR. Juris-Verlag. Mauren 562 S.
3. Bratus' S.N. (1947) *Legal entities in the Soviet civil law*. Moscow: Publishing House of Ministry of Justice, 364 P. (in Russ.)
4. Burgard U. (2006) Gestaltungsfreiheit im Stiftungsrecht: Zur Einführung korporativer Strukturen bei der Stiftung. Göttingen: Dr. Otto Schwartz, 850 S.
5. Dmitrevsky N. (1925) Trust as an institute of Anglo-American law. *Pravo i zhizn= Law and Life*, no. 7/8, pp. 41–48 (in Russ.)
6. Ebersbach H. (1961) Die Stiftung des öffentlichen Rechts. Göttingen: Otto Schwarz, 286 S.
7. Fleishits E.A. (2015) Trade and industrial enterprise in the Western Europe law and the RSFSR. In: Selected works. Vol. 2. Moscow: Statut, pp. 55–143 (in Russ.)
8. Gavze F.I. (1926) State property and its use by trusts. *Sovetskoe stroitelstvo=Soviet construction*, no. 12, pp. 105–123 (in Russ.)
9. Genkin D.M. (1963) Operative management as an institute of Soviet civil law. *Sovetskaya ustitcia=Soviet Justice*, no. 9, pp. 3–5 (in Russ.)
10. Handbuch des Stiftungsrechts (2014) V. Campenhausen, A. Friedrich (Hrsg.). München: C.H. Beck, 4 Aufl., 1570 S.
11. Kohler J. (1891) Ueber das Recht der Stiftungen. In: Archiv für bürgerliches Recht. Berlin: Heymanns, Band 3, 170 S.
12. Lacob D. (2006) Schutz der Stiftung. Die Stiftung und ihre Rechtsverhältnisse im Widerstreit der Interessen. Tübingen: Mohr Siebeck, 2006, 572 S.
13. Korneev S.M. (1964) *Right of state socialist property in the USSR*. Moscow: University, 268 p. (in Russ.)
14. Lischer H. (2000) Domestic Asset Protection Trusts: Pallbearers to Liability. *Real Property, Probate and Trust Journal*, Band 35, pp. 479–515.
15. Martynov B.S. (1927) Organizational principles of Soviet state enterprise under planned commodity turnover. *Pravo i zhizn= Law and Life*, no. 3, pp. 30–47 (in Russ.)
16. Meyer P. (2005) Treuhandrecht und treuhänderische Stiftung. In: Stiftungen in Theorie, Recht und Praxis. Handbuch für ein modernes Stiftungswesen. Berlin: Duncker & Humboldt, S. 228–240.
17. Polonsky E.G. (1966) The right of operative management of the main funds of the industrial enterprise. *Academic notes of Institute of Soviet Legislation*, issue 9, pp. 80–104 (in Russ.)
18. Shreter V. (1926) Draft of a decree on trusts. *Sovetskoe pravo=Soviet Law*, no. 4, pp. 108–121 (in Russ.)

19. Regelsberger F. (1893) *Pandekten*. Leipzig: Duncker & Humboldt, Band I, 518 S.
20. Schäfer A. (2007) *Anstalten öffentlichen Rechts in Lichtenstein*. Dornbirn: Europa Verlag, 165 S.
21. Schulte M. (1989) *Staat und Stiftung. Verfassungsrechtliche Grundlagen und Grenzen des Stiftungsrechts und der Stiftungsaufsicht*. Koblenz: Petra Gros, 123 S.
22. Sukhanov E.A. (2017) Once again about legal entities-non-owners. *Pravo-vedenie*=Jurisprudence, no. 3, pp. 130–141 (in Russ.)
23. Sukhanov E.A. (2010) On concept of legislation on legal entities. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian law, no. 1, pp. 5–12 (in Russ.)
24. Sukhanov E.A. (2011) About legal entities of public law. *Vestnik grazhdanskogo prava*=Bulletin of Civil Law, no. 2, pp. 4–24 (in Russ.)
25. Sukhanov E.A. (1998) Legal regulation of public property relations and the new Civil Code. In: *Civil Code of Russia: issues, theory, practice*. A.L. Makovsky (ed.). Moscow: International Center for Economic Development, pp. 206–221 (in Russ.)
26. Sukhanov E.A. (2015) *Comparative corporate law*. Moscow: Statute, 455 p. (in Russ.)
27. Sullivan J. (1998) Gutting the Rule Against Self-Settled Trusts: How The Delaware Trust Law Competes with Offshore Trusts. *Delaware Journal of Corporate Law*, vol. 23, pp. 423–442.
28. Suvorov N.S. (2000) *Legal entities under Roman law*. Moscow: Statute, 299 p. (in Russ.)
29. Venediktov A.V. (2004) Legal nature of state enterprises. In: *Selected works on civil law*. Vol. I. Moscow: Statut, pp. 217–394 (in Russ.)
30. Weidmann C. (2009) *Stiftung und Testamentsvollstreckung*. Hamburg: Dr. Kovač, 238 S.
31. Werner O. (Hrsg.) (2008) *Die Stiftung: Recht, Steuern, Wirtschaft. Stiftungsrecht*. Berlin: Berliner Wirtschaftsverlag, 959 S.
32. Zamoysky I.E. (1971) The right of intra farm operational management — a legal form of property independence of self-supporting links of the enterprise. In: *Current issues of state and law*. Moscow: Institute of State and Law, issue 4, pp. 122–131 (in Russ.)

Информация об авторе:

И.И. Зикун — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

I.I. Zikun — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.08.2023; одобрена после рецензирования 02.10.2023; принята к публикации 17.10.2023.

The article was submitted to editorial office 16.08.2023; approved after reviewing 02.10.2023; accepted for publication 17.10.2023.